

ПРЕДИСЛОВИЕ

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-20-38>
<https://elibrary.ru/BCBKJI>

Научная статья / Research Article
УДК 82.091 + 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

© 2024 г. О.А. Богданова

Сокровенный сосуд: усадебьи XX в. и мировая история¹

Аннотация: В предисловии раскрывается концептуальная основа коллективной монографии «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» — 8-го выпуска научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», а также дается обзор и анализ тематики и проблематики ее разделов и содержащихся в них статей. Намечаются перспективные направления дальнейшей работы в рамках серии. Всей совокупностью статей коллективная монография должна ответить на поставленные в ее названии вопросы: *потерями* в репрезентациях литературной усадьбы можно считать уход классической и серебряновечной традиций с их аутентичностью и личным опытом усадебной жизни; *обретениями* — развитие новых модификаций «усадебного топоса» (усадебьи-музея, коллективной писательской усадьбы, усадьбы-санатория и т. п.), возникновение и разработку новых тем (*усадебья как Китеж, усадьба как убежище, усадьба и война, усадьба и лес* и др.), а также превращение «дачного топоса» в перспективную, широко разветвленную культурную стратегию и формирование на ее основе оригинального «дачного мифа».

Ключевые слова: литературная усадьба, литературная дача, литература СССР, литература русской эмиграции XX в., компаративные параллели, типы русской усадьбы в XX в.

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Для цитирования: Богданова О.А. Сокровенный сосуд: усадьбы XX в. и мировая история // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 20–38. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-20-38>

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

*The Sacred Vessel:
Estates of the 20th Century and World History²*

Abstract: The preface reveals the conceptual basis of the collective monograph “Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains” — the 8th issue of the scientific book series “Russian Estate in a Global Context”, as well as provides an overview and analysis of the topics and issues of its sections and the articles contained therein. Promising directions for further work within the framework of the series are outlined. With the whole set of articles, the collective monograph should answer the questions posed in its title: losses in the representations of the literary estate can be considered the departure of classical and Silver age traditions with their authenticity and personal experience of estate life; gains — the development of new modifications of the “estate topos” (estate-museum, collective writer’s estate, estate-sanatorium, etc.), the emergence and development of new themes (*estate as Kitezh, estate as a refuge, estate and war, estate and forest*, etc.), as well as the transformation of the “dacha topos” into a promising, widely branched cultural strategy and the formation of an original “dacha myth” on its basis.

Keywords: Literary Estate, Literary Dacha, Literature of the USSR, Literature of Russian Emigration in the 20th Century, Comparative Parallels, Types of Russian Estate in the 20th Century.

Information about the author: Olga A. Bogdanova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

For citation: Bogdanova, O.A. “The Sacred Vessel: Estates of the 20th Century and World History.” *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 20–38. (Series: “Russian Estate in a Global Context”, issue 8). (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-20-38>

Предлагаемое читателю издание, по крайней мере в своей «усадебной» составляющей, может вызвать искреннее недоумение: какие могут быть усадьбы в литературе СССР, если известно, что в огне революций и Гражданской войны 1917–1922 гг. русская усадьба безвозвратно погибла? Таким было, например, мнение председателя первого Общества изучения русской усадьбы в 1927–1930 гг. А.Н. Греча:

² This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

В 1917 году обозначилась обреченность русской усадьбы и всего с нею связанного. Опустели дома, белые колонны рухнули. Дорожки парков заросли травой; через десять лет ее уже стали косить. <...> Тригорское сгорело; разрушены Мара Баратынских, Спасское Тургенева, Остафьево Вяземских... разорено все, а случайно уцелевшее доживает в своей обреченности... В десять лет создан грандиозный некрополь. В нем — культура двух столетий. <...> На грандиозном пепелище выросли крапива и бурьян. Скоро закроют они груды кирпича и щебня...³

Через 70 лет ему вторит авторитетный современный исследователь М.В. Нащокина:

...в огне Октябрьской революции усадебная Россия уничтожалась тотально. Даже память о ней, по мысли ее разрушителей, должна была умереть. <...> Русская усадебная культура в полноте своего бытия безвозвратно ушла в прошлое⁴.

Автор фундаментальной монографии «Жизнь в русской усадьбе» Присцилла Рузвельт⁵ также говорит о «безграничном опустошении и гибели провинциальных богатств дореволюционной России в 1917–1930 гг.»⁶.

Разделяя боль и горечь из-за утраты многих бесценных артефактов и жизненного строя, позволим себе не вполне согласиться с глубокоуважаемыми исследователями. Во всех вышеприведенных высказываниях речь идет о разрушении и гибели лишь *одной* из историко-культурных форм феномена усадьбы, на самом деле насчитывающего тысячи лет. В свою очередь, русская помещичья усадьба, по мнению историков существовавшая начиная с XVI в.⁷, за прошедшие столетия пережила несколько кардинальных социокультурных трансформаций, так что видимое разрушение «усадебной культуры» в 1917–1922 гг. можно считать одним из ее глубоких кризисов,

³ *Греч А.Н.* Венок усадьбам (рукопись, найденная в историческом музее // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Рыбинск, 1994. Вып. 1 (17). С. 19.

⁴ *Нащокина М.В.* Русская усадьба — временное и вечное // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Жираф, 2003. Вып. 9 (25). С. 8, 15.

⁵ *Рузвельт П.* Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / пер. с англ. Н.А. и А.В. Вознесенских. СПб.: Коло, 2008. 518 с.

⁶ *Рузвельт, Присцилла.* Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930 // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Улей, 2009. Вып. 15 (31). С. 20.

⁷ См.: Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / отв. ред. Л.В. Иванова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 10.

но все-таки не уничтожением. Для понимания этого факта обратимся к категории «усадебного топоса»⁸ как элемента общечеловеческого культурного кода и универсального архетипа, заложенного в основание человеческой природы в самом начале мировой истории. Недаром Эдемский сад-усадебная из библейской Книги Бытия — или «земной рай» — становится моделью и образцом для усадебного строительства во всех странах антично-библейского культурного ареала, а также идеалом жизнеустройства на протяжении многих столетий вплоть до наших дней. Сохраняя неизменное универсальное ценностное ядро, оставаясь самим собой на глубинном уровне, «усадебный топос» в разные времена и в разных странах обладал способностью облачатся в те или иные одежды, в том числе национальные и социальные. Другими словами, «усадебный топос» неистребим, пока существует человек на земле. И наша задача — обнаружить его в новых модификациях, обусловленных изменившейся эпохой или иной национальной формой.

Поэтому неудивительно, что по прошествии ста лет мы можем констатировать: усадьба в России,

как культурный феномен, <...> пережила революцию и послереволюционные катаклизмы. Примером (далеко не единственным) является усадьба М.М. Пришвина в Дунине. Практически такой же усадьбой были Старки поэта и переводчика С.В. Шервинского. Характерно, что Дома творчества Литфонда в советское время первоначально создавались на основе литературных усадеб (дом М. Волошина в Коктебеле, дача известного театрального антрепренера Корша в Голицыне под Москвой). Особо следует сказать о Малеевке. Это была усадьба В.М. Лаврова, редактора-издателя журнала «Русская мысль». Она описана в известной повести А.П. Чехова «Дом с мезонином». <...> Свой потенциал русская усадьба (в том числе и литературная) еще далеко не исчерпала⁹.

Возвращаясь к раннесоветской эпохе, отметим:

...усадебное наследие (обстановка, коллекции, культурные ценности, архитектурные ансамбли, парки) в 1920-е гг. стали активно приспособлять к нуждам революционной России. В большинстве усадеб стали от-

⁸ Подробнее см.: *Богданова О.А.* Категория «усадебного топоса»: границы, структура, семантика, динамика, модификации и вариации // *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 8–28.

⁹ *Новиков В.И.* Специфика русской литературной усадьбы // *Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Жираф, 2003. Вып. 9 (25). С. 407.*

крывать школы, народные дома, рабфаки, дома призрения, детские колонии, дома отдыха и санатории¹⁰.

Таким образом, становится очевидным, что, вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели русской усадьбы, «усадебный топос» под прессом катастрофических событий начала XX в. и затем в условиях СССР не был уничтожен в своих основах, а перешел в новые, непривычные формы: усадьбу-музей, усадьбу-дачу, усадьбу — художественную коммуноу, усадьбу-экономию, усадьбу-лабораторию, усадьбу-колонию, усадьбу-школу, усадьбу — санаторий или больницу, усадьбу — дом отдыха или дом творчества, в город-сад и т. д., — оставаясь активно-творческой средой, репродуцирующей базовые черты российской ментальности. В разных формах он присутствует в произведениях писателей советского периода — как обласканных властью, так и оппозиционных (А.М. Горького, Ф.В. Гладкова, А.П. Платонова, А.Н. Толстого, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского, Н.А. Островского, М.А. Шолохова, И.А. Новикова, Г.И. Чулкова, А.П. Гайдара, М.М. Пришвина, Г.И. Серебряковой, А.И. Солженицына, А.Н. Рыбакова, А.Г. Битова, Б.Ш. Окуджавы, С.Д. Довлатова и мн. др.), — доказывая, что литература СССР, со всеми ее трагическими противоречиями, — органическая часть русской культуры. Поэтому насущной задачей науки о литературе становится системное освоение «усадебного текста» советской эпохи, ранее выпадавшего из поля зрения ученых. Включение в многовековой «усадебный текст» русской литературы произведений советского периода способствует изживанию травмы гражданского противостояния в XX в. и консолидации национальных сил в первой трети XXI в.

Особую роль играет образ усадьбы в литературе русской эмиграции. Важно отметить различие судеб «усадебного мифа» Серебряного века и «усадебного топоса»¹¹ в русской литературе 1920–1950-х гг. в метрополии и за рубежом. В первом случае «усадебный миф» деконструировался и уходил в подземные слои русско-советской культуры, во втором — активно развивался и обогащался новыми мотивами, многие из которых имели универсально-архетипический характер, в равной степени присущий мифопоэтике европейских литературных усадеб. Здесь происходила дальнейшая разработка сложившегося в Серебряном веке «усадебного мифа», обогащение его новыми мотивами — «блудного сына», «изгнания

¹⁰ Полякова М.А. Усадебное наследие после 1917 года // Русская усадьба: сб. ОИРУ. СПб.: Коло, 2018. Вып. 24 (40). С. 23.

¹¹ О понятиях «усадебного топоса» и «усадебного мифа» подробнее см.: Богданова О.А. Категория «усадебного топоса»: границы, структура, семантика, динамика, модификации и вариации. С. 8–28.

из рая» и т. п. Напротив, «усадебный топос», в условиях СССР претерпевавший существенную трансформацию своей структуры и проявлявший удивительный динамизм и жизнеспособность, в литературе эмиграции обрел статичность «абсолютной эпической дистанции» (М.М. Бахтин) и как следствие — аксиологическую неподвижность: шла сакрализация образа классической русской усадьбы как навсегда утраченного «золотого века» путем создания между ней и современностью непреодолимой «эпической дистанции», усиливалось гетеротопическое качество литературной усадьбы как места национально-культурной и экзистенциальной памяти в ситуации пространственно-временного отрыва от большой и малой родины. Ретроспективный взгляд выделял в «усадебной культуре» благообразие и размеренность, глубокую укорененность в родной истории и крепкую связь с землей — все то, чего на чужбине были лишены эмигранты.

В нашем издании обо всем вышесказанном свидетельствуют первая, вторая и четвертая части, в которых рассматриваются усадьбы в советской и эмигрантской литературе, а также новые модификации «усадебного топоса» и вариации «усадебного мифа» в 1920–1980-е гг.

По наблюдению Е.Е. Дмитриевой, «не следует думать, что европейские замки, как и артистические коммуны, которые мы условно воспринимаем как западные аналоги русских усадеб, избегали разрушений и катаклизмов истории»¹² на протяжении XX в., в десятилетия советской эпохи. В самом деле, подобно России, Западная Европа перенесла в прошедшем столетии две мировые войны, несколько национальных революций, интенсивную индустриализацию, становление массового общества, а также деятельность тоталитарных государств и последствия дехристианизации, инокультурной миграции, глобализации. Несмотря на значительные различия, и в СССР, и в Европе реализовывались во многом сходные социокультурные тренды, связанные с массовизацией общества, научно-технической революцией, интеллектуальной модой, литературно-художественными движениями и проч. В «усадебном» аспекте это прежде всего сказалось в особенностях музеефикации и доместикации, в демократизации литературных усадеб в европейских странах и даже в придании им сакрально-мистических смыслов. Многие из этих сюжетов в той или иной степени рассмотрены в третьей части нашего издания.

Как видим, исторические вихри XX в. изрядно потрепали сложившуюся к тому времени российско-европейскую усадебную идиллию, разрушили ряд старых форм и дали импульс к созданию новых, вдохнули свежую струю в литературные усадьбы многих стран — России, Фран-

¹² Дмитриева Е.Е. Судьбы замков в XX и XXI вв.: проблемы музеефикации и потребность доместикации // Настоящее издание. С. 326–346.

ции, Германии, Англии, Испании и др. Тем не менее очевидно, что это было отнюдь не благоприятное время для реализации усадебного «рая на земле» — недаром, говоря об усадьбах XX в., мы прибегаем к метафоре «сокровенного сосуда».

В современной лингвистике под сосудом понимается «изделие из стекла, металла, глины, фарфора и т. д. для хранения жидких и сыпучих тел»¹³. В переводе с церковнославянского языка одно из значений слова «сосуд» — драгоценность, реликвия¹⁴. В сочетании с эпитетом «сокровенный» («хранимый в тайне», «заветный», «составляющий внутреннюю сущность чего-либо»¹⁵) вынесенное в заглавие нашей статьи словосочетание можно истолковать как невидимое для чужих глаз сокровище, обеспечивающее и питающее существование людей в неблагоприятных обстоятельствах, наделяющее его смыслом даже порой без их ведома. Уловить и обозначить в литературе советского времени эти духовно-энергетические волны призван введенный нами термин «криптоусадобная мифология», релевантный изменившемуся в СССР, по сравнению с классикой XIX столетия и Серебряным веком, качеству «усадебного текста»¹⁶. Так, например, произведения детской литературы 1920–1950-х гг. (повести А.П. Гайдара «На графских развалинах» (1928) и А.Н. Рыбакова «Бронзовая птица» (1956)), на первый взгляд, призваны

дезаурировать «усадебный миф» Серебряного века и наделить феномен усадьбы мифологическими коннотациями, формирующими новую, советскую картину мира. <...> В первой из них усадебное «сокровище» символически отторгается от прежних владельцев (формального наследника, «графского сына», связавшегося с преступной бандой) в пользу подростков — представителей трудового народа, истинных наследников благородного этического кодекса «усадебной культуры». Так как прямо провозгласить этот тезис в период официального отказа от «эксплуаторского» усадебного наследия (вспомним ликвидацию первого ОИРУ¹⁷ в 1930 г. и арест его председателя А.Н. Греча) Гайдар не мог, то в этом

¹³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С. 210.

¹⁴ Полный православный церковнославянский словарь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar/19> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁵ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С. 188.

¹⁶ Подробнее см.: *Богданова О.А.* Невидимые звенья «усадебного свертхтекста» // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 224–236.

¹⁷ Общество изучения русской усадьбы (1922–1930); возрождено в 1992 г.

произведении «усадебный миф» Серебряного века присутствует как бы в снятом виде, прикровенно, под слоем новой советской мифоидеологии строительства справедливой социальности и формирования советского человека. Вот этот палимпсест и является здесь манифестацией «крипто-усадебной мифологии». По сути тот же внутренний сюжет — в повести Рыбакова «Бронзовая птица»: клад графов Карагаевых из личной собственности становится общенародным достоянием, а бывшая владельческая усадьба заселяется юными советскими пионерами-колонистами¹⁸.

Как видим, советская эпоха внесла в русскую литературную усадьбу ряд совершенно новых черт. В социальном плане это, во-первых, трансформация из владельческой усадьбы в общественное достояние; во-вторых, ликвидация социального неравенства в усадебном пространстве, отсутствие следов прежнего барства — теперь здесь, как правило, трудятся сами хозяева (в тех случаях, когда частично сохраняется владельческий статус)¹⁹ или государственные служащие, законодательно обеспеченные защитой своих прав. В культурном плане литературная усадьба советского периода приобретает следующие новые качества: *усадьба как убежище*, где можно спастись от опасностей внешней жизни (что характерно и для русской, и для зарубежной литературы), *усадьба как Китеж* (т. е. хранилище истинных, непреходящих духовных ценностей в неблагоприятную историческую эпоху), *усадьба как локус высокого трагического творчества* (которое питается архетипическими корнями или животворится в лучах онтологических откровений). Нельзя сбрасывать со счетов и негативное изображение прежней владельческой усадьбы как «гнезда» порока, эксплуатации и даже преступления (например, в романах А.М. Горького, Н.А. Островского, Ф.В. Гладкова). Практически все перечисленные коннотации литературной усадьбы советской эпохи мы найдем на страницах настоящей коллективной монографии.

Особое место на литературно-усадебной карте России занимают музеи и заповедники (Михайловское, Средниково, Ташла, Ясная Поляна, Карабиха, Холмки, Дунино и др.) как «места силы» и «точки роста» социокультурного ресурса России XX в., играющие знаковую роль в судьбах страны и в советское время ставшие местами массового паломничества, средоточием национально-культурной памяти и востребованных паттернов личностного и группового развития (см. в нашем издании статьи А.Г. Разумовской, Т.М. Жапловой, М.С. Федосеевой (Акимовой), Е.Ю. Кнорре, А.Е. Агрatina и др.).

¹⁸ Богданова О.А. Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». С. 231–232.

¹⁹ Например, в усадьбе Варькино из романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (1945–1955).

Итак, очевидно, что предлагаемый читателю новый 8-й выпуск серии «Русская усадьба в мировом контексте» является инновационным проектом, впервые устанавливающим границы и параметры «усадебного текста» советской эпохи в русской (на территории СССР и в эмиграции) и в зарубежных литературах. Кроме того, «усадебный топос» исследуется здесь как один из ключевых элементов культурного кода России в контексте глобальных вызовов XXI в. при рассмотрении усадебной топики не только Европы, но и Азии. На последнем утверждении стоит остановиться подробнее.

В силу универсальности «усадебного топоса» компаративное направление становится в его изучении одним из ведущих. До недавнего времени мы ограничивались, в основном, европейскими параллелями²⁰. Однако пришло время показать, что русская усадьба тесно связана не только с Европой, но и с Азией, так как Россия является евро-азиатской страной. На ум приходят «усадебные» произведения о русской Азии — Урале и Сибири, вдохновленные так называемой «горнозаводской цивилизацией» (в прозе Б.Л. Пастернака, Б.К. Зайцева и др.), литературные усадьбы первой половины XIX в. Аксаковых и Тимашевых на границе башкирских степей в Оренбургской и Уфимской губерниях, усадьбы в странах Кавказа и Центральной Азии в период их включенности в зональную литературу СССР (например, дом-музей Ч.Т. Айтматова в окрестностях Бишкека в Киргизии), так называемые усадьбы-«восточные замки», которые строились в Серебряном веке на территории Крыма (их черты отразились в текстах И.А. Бунина, И.С. Шмелева, С.Н. Сергеева-Ценского и др.) и т. п. Огромная и до сих пор совершенно незатронутая тема — китайские, японские, персидские и другие восточные мотивы в русских литературных усадьбах XVIII – начала XX в.: беседки, павильоны, детали интерьера и убранства, посуда, письменные принадлежности и т. д. Наконец, в компаративном ключе могут быть исследованы аналоги русских усадеб в литературах зарубежных азиатских стран: Японии, Китая, Ирана, Индии, Турции и др. Рады отметить, что в настоящем издании уже присутствуют работы китайских, индийских и иранских ученых. Надеемся, что это начало пути к созданию в обозримом будущем коллективной монографии «Русская усадьба и Азия» как очередного выпуска научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте».

²⁰ См.: Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с.; Дмитриева Е.Е. Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). М.: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с.; Велигорский Г.А. «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с.

Первостепенную роль приобретает также изучение «дачного топоса» в произведениях писателей советской эпохи, что обусловлено практическим исчезновением в СССР владельческой дореволюционной усадьбы. Именно дача в советское время становится ведущей социо-пространственной формой частной жизни, потребность в которой у человека, несмотря на коллективистские идеалы и воспитание, оказалась неистребимой. Недаром «дачный» раздел в нашей монографии — часть пятая — по объему превосходит все остальные. При этом обнаруживается неоднородность «дачной культуры» в СССР: если в 1930–1950-е гг. к даче переходят многие функции усадьбы (хранение культурной памяти и семейно-родовых преданий, единение с природой, локус творчества), в связи с чем она приобретает элитарный характер в советском социуме (ведомственные поселки писателей, художников, ученых, военных и др.), то в 1960–1980-е гг. массовое садово-дачное строительство на крошечных земельных участках формирует в литературе низовой тип «дачного топоса». В 1990-е гг. советская дача из временного съемного летнего жилья окончательно превращается в собственный дом с участком для круглогодичного проживания, что конститутивно роднит ее с, казалось бы, навсегда ушедшей в прошлое дореволюционной владельческой усадьбой. Но это уже начало разговора о постсоветской даче, который выходит за тематические рамки нашего исследования в этом выпуске.

Настоящая коллективная монография подготовлена по итогам Международной научной конференции «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения», проходившей при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О.А. Богданова) и проведенной совместными усилиями Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук и Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля 22–24 июня 2023 г. Ее разделы отражают основные проблемно-тематические направления конференции.

Первая часть — «Усадебный мир в советской литературе» — содержит пять статей о писателях, работавших в 1920–1960-е гг. на территории СССР. Так, Н.В. Ковтун пишет об усадебном пространстве в знаковом производственном романе Ф.В. Гладкова «Цемент» (1925), выстраивая взаимозависимую оппозицию между *гетеротопией* прежней владельческой усадьбы и новым социалистическим *городом-садом*, казалось бы не связанным с недалеким прошлым, но на деле во многом из него вытекающим. Т.М. Жаплова в статье о «заволжских» усадьбах в публицистике советских лет обращается к проблеме сохранения и рецепции уникального

усадебного наследия Оренбургской и Уфимской губерний, акцентируя его межнациональный (русско-башкирский и русско-татарский) характер. Интермедиальное направление задает в своем исследовании «Усадебно-дачные локусы в литературе и искусстве соцреализма» А.В. Марков, показывая их удивительную устойчивость в советской литературе и живописи, выявляя тип жителя большой дачи и усадьбы — писателя и художника — и демонстрируя встроенность «коллективной усадьбы» в советский воспитательный проект, требовавший здорового образа жизни. Статьи Д.М. Борисовой и Е.Ю. Кнорре посвящены «усадебному» творчеству двух советских писателей, выросших из культуры Серебряного века с ее представлением об усадьбе как национальном идеале²¹, — К.Г. Паустовского и М.М. Пришвина. В первой из них анализируется «Повесть о лесах» (1948), в центре внимания во второй — создание варианта «криптоусадебной мифологии» в эго-документах. В обеих статьях начата разработка важнейших для усадебной топики XX в. тем *усадыба и лес*, *усадыба и война*, а также продолжена ключевая для советской литературы тема *усадыба как Китеж*²².

Вторая часть коллективной монографии — «Усадебные узоры в прозе русской эмиграции» — объединяет статьи семи ученых. Традиционно внимание приковано к главным певцам русской усадьбы в эмиграции — И.А. Бунину, И.С. Шмелеву, Б.К. Зайцеву. Авторам статей удастся найти новые грани в их творчестве: китайская исследовательница Ван Юе, анализируя коллизию «усадыба и город» в повести «Митина любовь» (1924), показывает природную патриархальность усадебного уклада у Бунина, что, по ее мнению, и приводит к гибели героя, не способного вписаться в новые культурные координаты. Н.В. Пращерук прослеживает эволюцию усадебного мира у Бунина начиная с первой юношеской повести «Увлечение» (1897) до зрелого романа «Жизнь Арсеньева» (1933), показывая формирование таких художественных категорий, как *усадебный человек* и *усадебный космос*, а также всесторонне рассматривая *гетеротопию усадьбы* у позднего Бунина. Венгерский литературовед Ильдиико Мария Рац выделяет в «усадебном топосе» Бунина 1920–1930-х гг. «новую ценностную перспективу» и «духовно-художественную ипостась» —

²¹ Подробнее см.: *Нацокина М.В.* Русская усадьба Серебряного века. М.: Улей, 2007. С. 116.

²² Подробнее см.: *Кнорре Е.Ю.* «Китеж советского времени»: образ «небесной коммуны» в «усадебном мифе» М.М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950-х гг.) // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 205–217; *Акимова М.С.* Усадьба реальная и усадьба литературная в судьбе и творчестве С.Н. Дурьлина // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 218–228.

из «реальной локации» он превращается «в пространство памяти, любви и творчества». В.И. Абрамова, исследуя элементы «усадебного текста» в романе Шмелева «Пути небесные», обращает внимание на смысловую инверсию — усадебная жизнь здесь не утраченный, но обретенный рай, дар за пережитые страдания и верность Богу. Для В.Г. Андреевой «мотив путешествия по усадебному дому» в автобиографической тетралогии Зайцева «Путешествие Глеба» становится ключом к пониманию этапов человеческой судьбы в XX в., значения и необходимости личной инициации в условиях тотальной массовизации в странах Европы. Творчество писателя-эмигранта С.Р. Минцлова в статье Н.В. Михаленко о его «усадебном легендарии» представлено как раннее предвестие *магического реализма* на «усадебном» материале. Наконец, А.Е. Агратин обращается к произведению второй половины XX в. — знаменитой повести С.Д. Довлатова «Заповедник» (1983), написанной в эмиграции на основе советского жизненного опыта. Исследователь выбирает нарратологический подход, а внутри него — анализ проблемы идентичности героя, раздвоенного на «подлинность» и «дискурсивность».

Серьезно представленный в коллективной монографии компаративный аспект позволяет акцентировать в «усадебном топосе» универсальные черты, актуальные как для русской литературы, так и литератур Испании, Англии, Франции, Сербии, Ирана, Индии и других стран. В девяти статьях третьей части книги — «Усадебно-дачные темы в литературах мира: компаративный подход», — сопоставлены «усадебные» сюжеты в лирике И.А. Бунина и великих персидских поэтов Фирдоуси, Саади, Хафиза, Низами, а также иранского поэта второй половины XX в. Мехди Ахавана Салеса (в статье иранских ученых Мархие Яхьяпур и Джанолаха Карими-Мотаххара), в драматургии А.П. Чехова и прозе бенгальского писателя Тарашанкара Бандьопадхья (в статье индийской исследовательницы Ранджаны Банерджи). Интернациональная методология Г. Башляра применена к анализу «усадебного текста» Гарсиа Лорки (в статье испанского профессора Н.Н. Арсентьевой). Исследованы особенности «дачного топоса» в рассказах выдающегося сербского писателя Иво Андрича (в статье черногорского профессора Неды Андрич), в связи с чем возникает вопрос, считать ли дачу сугубо русским национальным явлением, как это утверждают Стивен Ловелл и Т.В. Цивьян²³. Также продолжено

²³ См.: Ловелл Ст. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л.Г. Семенов. СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.; Цивьян Т. О мифологических коннотациях дачи // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / ed. N. Bashmakoff, M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. С. 12, 14.

исследование литературной усадьбы *Chemin de Paradis* классика французской литературы первой половины XX в. Шарля Моррасса (в статье японского ученого В.Э. Молодякова)²⁴. В работе М.В. Черкашиной показано, как религиозная семантика литературной усадьбы французского поэта XX в. Ива Бонфуа обусловила содержание его сборника 1958 г. «Начертанный камень». В статье Г.А. Велигорского впервые прослежена литературная история утопических «коллективных садов» XIX–XX вв. в творчестве английских писателей. К английской литературе обратилась и А.Л. Зекунова при рассмотрении в повести Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» (1937) идеальной «усадебки» викторианской и эдвардианской эпох. Завершает компаративный раздел обобщающая статья Е.Е. Дмитриевой, посвященная исследованию процессов, происходивших с западноевропейскими литературно-художественными усадьбами в период между их расцветом и музеефикацией. Ученая устанавливает, что «разрушение и приспосабливание арт-объектов к потребностям нового времени, бывшие неотъемлемой составляющей истории русских усадеб, маркировали также и историю западных поместий», однако с заметным отличием: музеефицированные усадьбы-замки в Европе одновременно оставались местом проживания владельцев и их семей.

Четвертая часть 8-го выпуска нашей серии — «Формы литературных усадеб в XX в.: генезис и трансформация» — включает в себя семь статей, анализирующих модификации и динамику «усадебного топоса» в перипетиях XX в., поэтому она в наибольшей степени имеет теоретико-литературный характер. Важно заметить, что исследования в области поэтики «усадебного текста» и, немного забегая вперед, «дачного текста» представлены и в других разделах коллективной монографии: так, о «геротопии усадьбы» в советском производственном романе, в литературе Сербии, в эмигрантском романе И.А. Бунина можно прочесть в статьях Н.В. Ковтун, Н. Андрич и Н.В. Пращерук; о проблеме идентичности героя в «постусадебном» мире — в статье А.Е. Агратина; о проявлениях «усадебного габитуса» в советское время — в статье М.С. Федосеевой (Акимовой), «усадебности» — в статье А.В. Маркова; новые элементы тезауруса при исследовании «дачного текста» второй и последней трети XX в. — «поэтосфера дачи» и «дачный миф» — рассмотрены в статьях В.Г. Щукина, Н. Андрич, О.А. Богдановой, М.В. Скороходова и др.; новая жанровая модификация «усадебного топоса» в литературе фэнтези первой половины XX в. представлена в статье А.Л. Зекуновой.

²⁴ Начало см.: *Молодяков В.Э. Усадьба Шарля Моррасса Chemin de Paradis: конструирование смыслов // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 305–320.*

Возвращаясь к четвертой части, отметим широту подхода к феномену усадьбы в XIX–XXI вв. в статье Л.Н. Летягина «Supremum vale: посту-садебная Россия и литературная классика». Констатируя безвозвратную эмпирическую утрату социокультурного контекста дореволюционной русской усадьбы, автор призывает реконструировать его виртуально с помощью литературной классики и мемуаров, тем самым упрочив преемственность с великой «усадебной культурой» прошлого, духовную непрерывность и возможность ценностных обновлений на этом пути уже в нашей современности. В статье О.Р. Демидовой «Усадьба как убежище: между эстетикой и онтологией» речь идет о динамике рецепции усадьбы в литературе русской эмиграции во Франции: идиллически-ностальгический идеал «счастливого пространства» (по Г. Башляру) в произведениях межвоенного времени сменился на драматичный образ усадьбы как «пространства выживания» в условиях войны и оккупации. Белорусский литературовед О.А. Нагель (Гриневич) на материале XVIII–XX вв. сопоставляет два мощных «сверхтекста» русской литературы: «усадебный текст» и «текст изгнания», — приходя к выводу о том, что в «постусадебный» период (после русских революций 1917 г.) они сближаются благодаря совмещению оппозиций «родина — чужбина», «прошлое — настоящее», «Россия памяти — реальная Россия», иницируя «большой диалог» внутри современной русской культуры. М.С. Федосеева (Акимова) в статье «Усадебный нон-фикшн: феномен усадьбы в музейной мемуаристике» впервые обращается к анализу реального функционирования советских музеев-усадоб сквозь двойную призму рецепции сотрудников и посетителей, приходя к выводу о том, что «*усадьба-музей* как одна из жизнеспособных модификаций “усадебного топоса” в XX в. наследует его конститутивные особенности»²⁵, характерные для XVIII–XIX вв. Особый интерес представляет статья Н.А. Трубецкой, в которой впервые подробно анализируется такая важная разновидность «усадебного топоса» в СССР, как *усадьба-санаторий*, на примере бывшего имения князей Трубецких Узкое, знаменитого культурного гнезда рубежа XIX–XX вв., связанного с именем философа Вл.С. Соловьева. Наряду с высокой культурной значимостью, подчеркнут коллективный аспект этой новой усадебной модификации. И не случайно две следующие в этом разделе статьи — А.Г. Разумовской «“Шелонь течет онегинской строкою”: усадьба Холмки в пространстве памяти» и А.А. Козновой «Городок писателей в Переделкине как коллективная усадьба советской эпохи» — продолжают разработку заданных тем. В первой из них исследуются санатории в бывших владельческих усадьбах на Псковщине с яркой совместной жиз-

²⁵ См.: Настоящее издание. С. 398.

нию и деятельностью отдыхающих писателей, художников, артистов, во второй — создание нового типа «коллективной усадьбы» для советских писателей в подмосковном Переделкине в 1936–1938 гг., с очевидностью преемственной дореволюционным образцам (что и насторожило тогдашние власти), но и впитавшей оригинальные черты своей эпохи: коллективизм, демократичность, самостоятельный бытовой труд, высокий трагический градус творчества. Наконец, последняя в четвертой части статья Е.А. Власовой приобщает нас к усадебно-дачному опыту русской эмиграции второй половины XX в.: рассматривая соответствующие топосы в произведениях В.В. Набокова и С.Д. Довлатова 1960–1980-х гг., автор статьи определяет их как «места памяти», привлекательные благодаря включенности в общий с русской «усадебной» классикой XIX в. интертекст.

Последняя, пятая по счету, но одна из первых по значимости часть 8-го выпуска — «“Блеск и нищета” литературной дачи» — посвящена судьбе «дачного топоса» в 1920–1980-е гг. и содержит двенадцать статей. Ее открывает обзорно-аналитическая статья О.А. Богдановой, прослеживающая эволюцию литературной дачи в XIX–XXI вв., от Ф.М. Достоевского до Е.Г. Водолазкина. Особое внимание уделено советской даче как социокультурной модели на протяжении 1930–1990-х гг. (от арендуемого временного жилья к наследственной собственности), освещены ее главные коннотации: негативно-«инфернальный» образ дачи начиная с Г.И. Чулкова и заканчивая Ю.В. Мамлеевым, особая ценность дачи как пространства частной жизни в СССР в произведениях Ю.В. Трифонова и др., впитывание и трансляция позднесоветской дачей многих «усадебных» черт у А.Н. Варламова и др. Острый интерес вызывает статья итальянского исследователя Эмилио Мари, посвященная метаморфозам дачного досуга в послереволюционные годы и основанная на скрупулезном изучении редкой раннесоветской периодики. Текстуальный микроанализ позволяет ученому прийти к значимым выводам: борясь с «мещанской» развлекательностью, советская власть к 1930-м гг. во многом превратила «низовую» дачную самостоятельность в инструмент контроля и пропаганды. Статья И.А. Александрова также обращена к анализу текстов — двух стихотворений В.Ф. Ходасевича о даче, демонстрирующих эволюцию отношения поэта к этому феномену от относительной терпимости к «открытой мизантропии» в эмигрантский период. Важнейшее наблюдение для понимания эволюции литературной дачи в СССР сделано в статье известного польского исследователя В.Г. Щукина «Дача как поток поэтического сознания. Стихотворение Бориса Пастернака “Вторая баллада”»: именно с лирики Пастернака 1930-х гг. начинается поэтизация дачи, до революции бывшей в общественном сознании России лишь средоточием мещанства и пошлости. Г.М. Ребель, обращаясь к рассказу А.П. Гайдара «Голубая чашка» (1936), показывает, как

с помощью символической детали — разбитой чашки — повествование переходит из «личного дачно-семейного хронотопа» в «большое историческое время и пространство». Статья «Почему разбилась голубая чашка?...» содержит еще два сквозных для всей коллективной монографии вектора: интермедиальный и детский. В первом случае, в *pendant* с интермедиальными сопоставлениями в статьях А.В. Маркова, М.С. Федосеевой (Акимовой), М.В. Михайловой и А.С. Сотниковой, изображение дачи у Гайдара соотнесено с фильмом режиссера Н.С. Михалкова «Утомленные солнцем» (1994); во втором случае, наряду со статьями Л.Х. Насрутдиновой и Н.Г. Махихиной, М.А. Перепелкина, Е.А. Ерохиной, начата разработка новой в литературоведении темы *дача глазами ребенка*, в которой впервые закладывается типология репрезентаций, необходимых для воспитания подрастающего поколения в лучших традициях русской (российской) литературной классики. В обозначенном аспекте главная ценность статьи Л.Х. Насрутдиновой и Н.Г. Махихиной «Дачная тема в советской литературе для детей» видится в том, что в ней прослежена эволюция образа дачи в детской советской литературе более чем за полвека, с 1930-х до 1980-х гг. В изящном этюде М.А. Перепелкина о рассказе Ю.О. Домбровского «Царевна-лебедь» в центре внимания оказывается опыт подростка в контексте дачной жизни: противоречивые впечатления способствуют личностному росту юного героя. В статье Е.А. Ерохиной анализируется дачная повесть Т.Н. Толстой, также основанная на детских воспоминаниях рассказчицы. Здесь интересна трактовка советской дачи периода «оттепели» как портала между реальным и ирреальным мирами в восприятии ребенка. М.В. Скороходов в своем анализе «дачного топоса» обращается к советской поэзии середины XX в., последовательно выявляя указанный тематический диапазон в корпусе стихотворений А.А. Ахматовой, А.А. Прокофьева, П.Г. Антокольского, Н.А. Заболоцкого, В.Б. Кривулина, Ю.В. Друниной. В совместной статье М.В. Михайловой и А.С. Сотниковой «Рай в ближнем Подмосковье (топос дачи в повести В.В. Перуанской “Кикимора”»)» показано, что дача в послевоенном СССР нередко воспринималась как пространство свободы и экзистенциальной сложности, как точка роста того, что не укладывалось в моральные императивы советской жизни. Недаром история пожилых влюбленных, гонимых семьями и социумом, разворачивается в дачном пространстве, где оба, наконец, могут прикоснуться к собственной подлинности и индивидуальности. Снятый по мотивам этой повести в 1984 г. кинофильм «Продлись, продлись, очарованье...» (с О.Н. Ефремовым и И.С. Саввиной в главных ролях) стал событием в культурной жизни страны. Статьи К.А. Сундуковой и А.Ф. Галимуллиной с разных сторон подходят к исследованию нового в советской культуре формата литературного дачного поселка 1930–1980-х гг. (Сиверской, Переделкина, Комаро-

ва, Красной Пахры, Лебяжьего и др.) как созданного в СССР вида творческой среды и одновременно — как объекта литературного изображения. К.А. Сундукова сопоставляет образы Сиверской в разнесенных почти на полстолетия романах Ю.В. Трифонова «Старик» (1978) и Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016). А.Ф. Галимуллина практически впервые вводит в науку такой важный предмет рассмотрения, как дачный поселок казанских писателей Лебяжье, — место, значимое для русской и татарской литературы второй половины XX в. Главная ценность этого исследования — в разработке темы *российской* усадьбы и дачи как *евро-азиатских феноменов*, как элементов самостоятельной евразийской цивилизации.

Итак, всей совокупностью статей настоящая коллективная монография должна ответить на поставленные в ее названии вопросы: *потеря* в репрезентациях литературной усадьбы можно считать уход классической и серебряновечной традиций с их аутентичностью и личным опытом усадебной жизни; *обретениями* — возникновение и развитие новых модификаций «усадебного топоса», прежде всего усадеб-музеев и усадеб-заповедников как живых социокультурных организмов, ставших в XX в. средоточием национальной памяти России и моделей личного развития в духе просвещенного патриотизма, а также «коллективных усадеб» как локусов творчества; возникновение и разработку новых тем — *усадьба как Китеж, усадьба как убежище, усадьба и война, усадьба и лес* и др. Видимым результатом стало и превращение «дачного топоса» в перспективную, широко разветвленную культурную стратегию (в частности, открытие темы *дача глазами ребенка*), лишенную коннотаций прежнего барства, и формирование на ее основе оригинального «дачного мифа».

Что касается исследовательских перспектив, то, помимо приоритетной разработки темы «Русская усадьба и Азия», необходимо обратить пристальное внимание на поэтику и семантику «усадебно-дачного топоса» в рамках различных литературно-художественных направлений. Для советской эпохи актуальны *авангард, неореализм, экзистенциализм, социалистический реализм, магический реализм, концептуализм* и др. К выполнению этой задачи в данной коллективной монографии мы только прикоснулись. На наш взгляд, особенно интересны в «усадебном» аспекте произведения *социалистического реализма* — как абсолютная *terra incognita*; лишь единицы из них рассмотрены в первой части книги. И остро не хватает системного анализа «усадебного текста» 1920–1960-х гг. в творчестве А.М. Горького, М.А. Шолохова, А.Н. Толстого, Н.А. Островского, А.П. Платонова и мн. др.

В заключение отметим, что из 42-х статей 8-го выпуска серии «Русская усадьба в мировом контексте» две трети присланы из различных регионов России (Красноярска, Оренбурга, Екатеринбургa, Уфы, Санкт-Пе-

тербурга, Пскова, Перми, Казани, Самары, Череповца, Тулы) и 11-ти зарубежных стран (Венгрии, Беларуси, Испании, Италии, Черногории, Польши, Японии, Китая, Ирана, Индии, Грузии). Как видим, география интереса к литературной усадьбе и даче весьма обширна, что делает практику их изучения поистине масштабной.

Список литературы

Исследования

- 1 *Акимова М.С.* Усадьба реальная и усадьба литературная в судьбе и творчестве С.Н. Дурылина // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 218–228. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6).
- 2 *Богданова О.А.* Категория «усадебного топоса»: границы, структура, семантика, динамика, модификации и вариации // *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 8–28. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
- 3 *Богданова О.А.* Усадьба в русской литературе военно-революционных лет: мотивы Китежа и Святой Руси // *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 167–180. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
- 4 *Богданова О.А.* Невидимые звенья «усадебного сверткста» // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 224–236.
- 5 *Велигорский Г.А.* «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 7).
- 6 Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / отв. ред. Л.В. Иванова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 784 с.
- 7 *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы): монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 5).
- 8 *Кнорре Е.Ю.* «Китеж советского времени»: образ «небесной коммуны» в «усадебном мифе» М.М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950-х гг.) // Усадьба реальная — усадьба

- литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 205–217 (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6).
- 9 *Ловелл Ст.* Дачники: история летнего жилья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л.Г. Семенов. СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.
 - 10 *Молодяков В.Э.* Усадьба Шарля Морраса *Chemin de Paradis*: конструирование смыслов // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 305–320 (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6).
 - 11 *Нацоккина М.В.* Русская усадьба — временное и вечное // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Жираф, 2003. Вып. 9 (25). С. 7–21.
 - 12 *Нацоккина М.В.* Русская усадьба Серебряного века. М.: Улей, 2007. 432 с.
 - 13 *Новиков В.И.* Специфика русской литературной усадьбы // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Жираф, 2003. Вып. 9 (25). С. 403–407.
 - 14 *Полякова М.А.* Усадебное наследие после 1917 года // Русская усадьба: сб. ОИРУ. СПб.: Коло, 2018. Вып. 24 (40). С. 20–26.
 - 15 *Рузвельт, Присцилла.* Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / пер. с англ. Н.А. и А.В. Вознесенских. СПб.: Коло, 2008. 518 с.
 - 16 *Рузвельт, Присцилла.* Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930 // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Улей, 2009. Вып. 15 (31). С. 7–24.
 - 17 Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2).
 - 18 *Цивьян Т.* О мифологических коннотациях дачи // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / ed. N. Bashmakoff, M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. С. 11–24.

Источники

- 19 *Греч А.Н.* Венок усадьбам (рукопись, найденная в историческом музее // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Рыбинск, 1994. Вып. 1 (17). С. 18–29.
- 20 Полный православный церковнославянский словарь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar/19> (дата обращения: 05.03.2024).
- 21 Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. 800 с.